

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.334.3:328.185

doi: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как типы социального доверия

И. А. Юрасов^{1,3}В. В. Бондаренко¹С. В. Полутин²О. А. Зябликова¹ ✉О. Н. Юрасова³

¹ Пензенский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (г. Пенза, Российская Федерация)

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)

³ Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация)
✉ has18068881@rambler.ru

Аннотация

Введение. При недостатке официального институционального доверия населения к органам власти оно перетекает в неформальные, криминальные и полукриминальные социальные сферы, в коррупционные социальные связи и группы и в неформальную экономику, теневую занятость. Цель статьи – провести социологический теоретико-методологический анализ парадоксальных форм институционального социального доверия в российском обществе в виде коррупционных и теневых экономических связей.

Материалы и методы. Эмпирические данные о теневом рынке труда в Российской Федерации были получены в ходе массового опроса и скрытых интервью, проведенных в 2021 г. в 10 областях Российской Федерации и 2 мегаполисах. В ходе исследования были использованы

© Юрасов И. А., Бондаренко В. В., Полутин С. В., Зябликова О. А., Юрасова О. Н., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

общенаучные, логические методы, применялись структурно-функциональный, социокультурный, антропосоциокультурный, проективный подходы в современной социологии, методика социологического воображения, методология анализа и формирования «мы-групп».

Результаты исследования. Установлено, что такие негативные социальные явления, как бытовая и деловая коррупция, теневая (неформальная) трудовая занятость, являются парадоксальной формой выражения институционального доверия в обществе. Выявлено, что при недостатке базового институционального доверия российского населения к государственной и муниципальной власти социальное доверие перетекает в неформальные, полукриминальные и криминальные сферы. Доказано, что коррупция и неформальная занятость как формы социальной практики становятся формами выражения специфического политического доверия, основанного на сильных социальных связях в российских регионах. Определено, что коррупция и неформальная занятость становятся видом неформальной социальной самоорганизации общества, которые снимают разрыв между политическими общинами элиты и ожиданиями гражданского общества.

Обсуждение и заключение. Коррупция и неформальная экономика становятся парадоксальной формой проявления ситуативного, горизонтального, институционального доверия, основанного на сильных (родственных, своих, дружеских) связях, на социальных связях «мы-группы», на атомизме российского регионального социума. Настоящее исследование может быть практически использовано учеными-социологами, а также юристами, криминалистами и работниками правоохранительных органов Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное доверие, социальный парадокс, коррупция, теневая занятость, горизонтальные и вертикальные связи, сильные и слабые социальные связи, «мы-группа»

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам и редакции журнала «Регионология» за ценные рекомендации, замечания и советы, которые помогли улучшить качество текста.

Финансирование. Исследование выполнено за счет средств государственного задания (ВТК-ГЗ-ПИ-48-23) «Разработка методических рекомендаций по повышению институционального доверия к органам власти студенческой молодежи в сетевом информационном пространстве в условиях глобальных культурологических и цифровых трансформаций».

Для цитирования: Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как типы социального доверия / И. А. Юрасов [и др.] // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 733–753. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753>

Original article

Paradoxical Manifestations of Institutional Social Trust in Russian Regions: Corruption and Shadow Employment as Types of Social Trust

I. A. Yurasov^{a,c}, V. V. Bondarenko^a, S. V. Polutin^b, O. A. Zyablikova^a ✉, O. N. Yurasova^c

^a Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza, Russian Federation)

^b National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

^c Penza State University (Penza, Russian Federation)

✉ has18068881@rambler.ru

Abstract

Introduction. The paradoxicality of which lies in the fact that with a lack of official institutional trust of the population in the authorities, it flows into informal, criminal and semi-criminal social spheres, into corrupt social ties and groups, and into the informal economy, shadow employment. The purpose of the article is to conduct a sociological theoretical and methodological analysis of the paradoxical forms of institutional social trust in Russian society in the form of corrupt and shadow economic ties.

Materials and Methods. Empirical data on the shadow labor market in the Russian Federation were obtained in the course of mass and expert surveys conducted in 2021 in 10 regions of the Russian Federation and 2 megacities. In the course of preparing this publication, general scientific, logical methods were used,

structural-functional, sociocultural, anthroposociocultural, projective approaches in modern sociology, the method of sociological imagination, the methodology of analysis and the formation of “we-groups”.

Results. In the course of the authors’ research, it was found that such negative social phenomena as domestic and business corruption, shadow (informal) employment are a paradoxical form of expression of institutional trust in society. The paradox of the sociological correlation of corruption and shadow employment with institutional trust only at first glance seems illogical and contrary to sound scientific understanding. As a result of the analysis, the authors have revealed that with a lack of basic institutional trust of the Russian population in state and municipal authorities, social trust flows into informal, semi-criminal and criminal spheres. It has been proved that corruption and informal employment as forms of social practice become forms of expression of specific political trust based on strong social ties (blood related, kindred, friendly) in Russian regions. The authors’ team determined that corruption and informal employment are becoming a type of informal social self-organization of society, which close the gap between the political communications of the elite and the expectations of civil society.

Discussion and Conclusion. Corruption and the informal economy are becoming a paradoxical form of manifestation of situational, horizontal, institutional trust based on strong (blood related, kindred, friendly) ties, on the social ties of “we-groups”, on the atomism of the Russian regional society. This research can be practically used by sociologists, lawyers, criminologists, social psychologists, law enforcement officers of the Russian Federation.

Keywords: social trust, social paradox, corruption, informal employment, horizontal and vertical ties, strong and weak social ties, “we-groups”

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interests.

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers and editors of the Russian Journal of Regional Studies for valuable recommendations, comments and advice that helped improve the quality of the text.

Funding. The study was carried out at the expense of the state task (VTK-GZ-PI-48-23) “Development of methodological recommendations for increasing institutional trust in the authorities of student youth in the network information space in the context of global cultural and digital transformations”.

For citation: Yurasov I.A., Bondarenko V.V., Polutin S.V., Zyablikova O.A., Yurasova O.N. Paradoxical Manifestations of Institutional Social Trust in Russian Regions: Corruption and Shadow Employment as Types of Social Trust. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):733–753. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753>

Введение. Социальное доверие представляет собой сложный общественный феномен, объединяющий многие социальные факторы, рациональные и эмоциональные компоненты, которые самым причудливым образом иерархически организованы [1]. Социальное доверие основано на вере как социально-психологическом феномене.

Цель статьи – провести теоретико-методологический анализ коррупции и неформальной трудовой занятости как проявления парадоксальных форм институционального социального доверия в российском обществе. Согласно авторской гипотезе, коррупционные и теневые экономические связи основываются на «сильных» (родственных, свойских, дружеских) связях, на социальных связях «мы-группы», которые формируются на чувстве доверия участников криминальных и полукриминальных связей друг к другу. В ситуации динамического социального равновесия при недостатке формализованных, институциональных форм социального доверия происходит перетекание формальных институциональных форм социального доверия в неформальные сферы.

Мы стремимся решить эту проблему с другой стороны, выявив ментальные, социокультурные, социально-экономические основы формирования коррупционных и неформальных трудовых связей. По нашему предположению, в основе

коррупции и неформальной экономики лежит горизонтальное социальное доверие участников этих криминальных и полукриминальных схем.

Определив горизонтальное социальное доверие как один из источников криминального и полукриминального поведения, можно сформировать предпосылки для создания новых методов и способов борьбы с коррупцией и неформальной занятостью, основанных на управлении институциональным социальным доверием.

Обзор литературы. В социологии существует много трактовок социального доверия. Р. Инглхарт и К. Вельцель выделяют горизонтальное и вертикальное доверие [2]. Они противоположны по направленности социального действия. Горизонтальное доверие формируется между равноправными индивидами, влияет на социальную самоорганизацию, на развитие демократической культуры. Вертикальное, включая доверие политическим институтам, направлено на укрепление иерархических общественных связей и формируется между зависимыми индивидами.

Э. Усландер основывается на положении, что обобщенное межличностное доверие строится на позитивном взгляде на природу человека [3]. С. Змерли считает доверие важной особенностью социальной жизни, которое позволяет более эффективно действовать индивидам в обществе [4]. В. Мишлер и Р. Роуз приходят к мысли, что институциональное доверие рационально обосновано. Оно базируется на оценке эффективности институтов гражданами, а межличностное – более иррационально и основано на эмоциональных компонентах [5]. К. Ньютон не находит связи между социальным и политическим доверием. На эти разные виды доверия влияют разные переменные. Он приходит к выводу, что борьба с социальным неравенством ведет к росту институционального доверия [6]. В. Ванг, К. Ву, исследуя восточную специфику государственного управления, осторожно связывали ценности институционального доверия с коррупционными ценностями в восточных обществах [7; 8]. К. Зондерсков, В. Шляпентох, занимаясь исследованиями политической коррупции и доверия, видели опасность развития на этом фоне нефеодалных, архаических тенденций, когда специфический тип социального доверия в малых социальных группах укрепляет коррупционные связи, и на их основе формируется новый тип нефеодалной социальной структуры¹ [9].

Согласно первичным авторским исследованиям, коррупционные социальные связи являются одними из наиболее прочных и крепких в российских регионах, на их основе формируются новые, специфические архаические связи, основанные на сильных социальных связях (родственных, свойских, дружественных). Эти специфические социальные отношения и связи трансформируют российскую социальную структуру, формируют сословный тип стратификации² [10–13], усиливая тем самым архаичные нефеодалные тенденции в Российской Федерации [14–18].

¹ Shlapentokh V., Joshua W. J. Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. Palgrave Macmillan, 2007. 278 p.

² Парсонс Т. Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.; Социальные трансформации на рынке труда России: неформальная занятость / И. А. Юрасов [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2021. 164 с.

Неформальная экономика, теневая занятость исследовалась Ж. Т. Тощенко [19], А. Портесом [20], членами авторского коллектива [21]. Базовое отличие этой формы экономической занятости от традиционных официальных состоит в сильных неформальных социальных связях, весьма распространенных среди мигрантов и коренного населения, не доверяющего государственной экономической политике.

Многие исследователи (Е. А. Кривоусова, Р. Р. Агишев, О. Н. Барина) отмечали низкий уровень институционального доверия в Российской Федерации и полагали, что он тормозит общественные инициативы, замедляет течение реформ. Причиной низкого доверия, по мнению исследователей, является разрыв между обещаниями властей и ожиданиями населения, хотя в современных российских социальных условиях институциональное доверие при недостатке в одних областях (официальных, доверие к органам власти) перетекает в более дружественные, неформальные сферы, создавая парадоксальные его формы и проявления. В этом случае коррупция и теневая экономическая занятость могут существовать только на основе высокого уровня доверия между участниками этих схем. И эта основа предполагает трансформацию коррупции и неформальной теневой экономики в специфические формы институционального доверия, причем не только в России, но и во всем мире³ [22]. Связь социального доверия и теневого предпринимательства отмечали А. Портес, Р. Патнэм и другие, справедливо утверждая, что теневые неформальные экономические структуры в США формируются на высоком, часто вынужденном уровне доверия мигрантов – участников теневого предпринимательства друг к другу, и при недостатке доверия к новому социальному окружению – недоверию к государственной власти приютившей их страны⁴ [23; 24].

Г. А. Сатаров утверждает, что коррупция формируется в обществах с ускоренной модернизацией, в результате которой проходит автоматический перенос модернизированных социальных институтов в традиционное, архаическое социальное окружение. Коррупция становится своеобразным «зазором между новыми формальными нормами и старыми неформальными нормами и практиками». В них внедряется коррупция как инструмент указанного выше сопротивления. Чем масштабнее институциональные перемены и, следовательно, чем больше зазор между «старым» и «новым», тем больше простор для роста новых форм коррупции⁵.

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич отмечают, что коррупция в российском обществе является порождением специфической психологической структуры, основанной на готовности людей давать взятки, и что российская коррупция

³ Кривоусова Е. А. Факторы восприятия коррупции в регионах России // Моделирование экономических процессов методами эконометрики и статистики : тез. XV Междунар. конф. Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2021. С. 517–520.

⁴ Bannenberg B., Schauensteiner W. J. Korruption in Deutschland: Portrait Einer Wachstumsbranche. München; Beck, 2004. 227 p.; Wunsch T., Söller C. Korruption in Ost und West: Eine Debatte. Passau; Stutz, 2008. 106 p.; Putnam R. Tuning in, Tuning out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // Political Science and Politics. 1995. Vol. 28, issue 4. Pp. 664–683. <https://doi.org/10.2307/420517>

⁵ Сатаров Г. А. Российская коррупция: уровень, структура, динамика : опыт социологического анализа. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2013. С. 64.

является результатом специфических ценностей: агрессивности, толерантности к коррупции, приоритета неформальных социальных отношений над формальными, осторожности в установлении близких связей и др. [25, с. 57].

Таким образом, институциональное социальное доверие является одной из актуальных тем в современных российских социальных условиях, что обуславливает необходимость изучения региональной специфики данной проблемы.

Материалы и методы. В основу методологии и методики настоящего исследования легли: социологическая концептуализация, представляющая собой изучение общественных фактов на теоретическом уровне и последующее создание концептуальной схемы исследования; логические методы научного анализа, основанные на логическом анализе, синтезе, абстрагировании, создании аналогий; социологическое воображение (Ч. Миллз), которое представляет собой способ рассмотрения социологического феномена под определенным углом зрения, основывается на понимании скрытых структур и ресурсов, ограничений, влияющих на общественную жизнь; социокультурный анализ специфики общественных явлений; цивилизационный подход, основывающийся на том, что социокультурные, религиозные, конфессиональные, этнографические особенности детерминируют социальные контексты развития социальных явлений; типологизация; структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Р. Мертон и др.); методология анализа и формирования «мы-групп» (А. Шютц); факторный анализ; эмпирические методы социологических исследований (количественные методы социологических исследований – массовый опрос; качественные методы – скрытые интервью) – отношения жителей России к коррупции и социально-экономические исследования неформального (теневого) рынка.

Оценка уровня коррупции проводилась согласно «Методике проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации № 662 от 25 мая 2019 г. Авторские социальные замеры параметров коррупции носили мониторинговый характер и регулярно проводились в анализируемых регионах с 2019 по 2023 г. В период с 2015 по 2018 г. мониторинг коррупции осуществлялся на основе авторской методологии, целью которой было выявление отношения респондентов к коррупции в регионе и определение наиболее коррупциогенных сфер. В период с 2019 по 2023 г. было опрошено 1 560 респондентов, оценивающих уровень бытовой коррупции, проживающих в 48 субъектах Российской Федерации, и 207 человек из 18 субъектов Российской Федерации, оценивающих уровень деловой коррупции. Количество результативных анкет в области оценки бытовой коррупции составило 1 504, в области деловой коррупции – 191. Генеральная выборка по исследованию составила 1 560, совокупная – 1 284. От всех респондентов было получено информированное согласие на участие в исследовании и обработку полученных ответов.

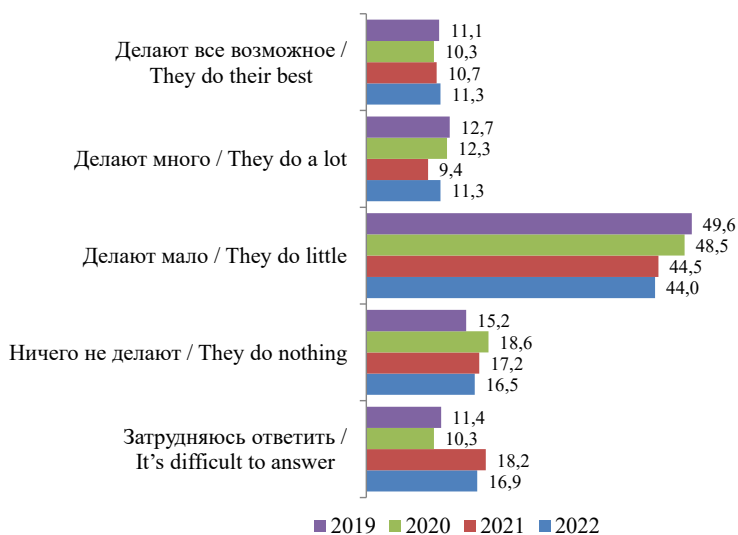
Социологический анализ неформальных экономических практик проводился на основе массовых опросов, скрытых интервью, проведенных в 2020–2021 гг. в 48 субъектах Российской Федерации. Скрытое включенное наблюдение за самозанятыми велось с 2002 по 2021 г. в г. Москве, Санкт Петербурге, Пензе,

Самаре, Оренбурге (n = 1 260). Неструктурированные скрытые интервью прое- водились с 2009 г. по настоящее время со строителями, водителями, поварами, кондитерами, сиделками (n = 37).

Результаты исследования. Авторский анализ проблем коррупции осно- вывается на позиции Г. А. Сатарова⁶, который предполагает социокультурное объяснение возникновения и развития феномена коррупции. По его мнению, коррупция формируется в обществах с ускоренной модернизацией, в которых возникают два типа общественных практик: старые (традиционные) и новые, к которым люди не успевают привыкнуть. Коррупция становится связующим звеном между старыми и новыми общественными практиками.

В ходе исследования респондентам задавался вопрос об их отношении к ор- ганам власти, который был призван выяснить степень доверия людей к данным структурам. Этот вопрос считается «неудобным» для многих респондентов, поэтому обычно доминируют усредненные оценки. Если сконцентрировать анализ на двух полярных оценках деятельности органов власти в части про- тиводействия коррупции, то 16,5 % респондентов считают, что власти вообще ничего не делают, а 11,3 % – что делают все возможное (это на 1,9 % больше по сравнению с 2021 г.). От 44 % до 49 % респондентов считают, что органы власти мало делают для борьбы с коррупцией, что говорит о недоверии этой категории респондентов к органам государственной власти (рис. 1.).

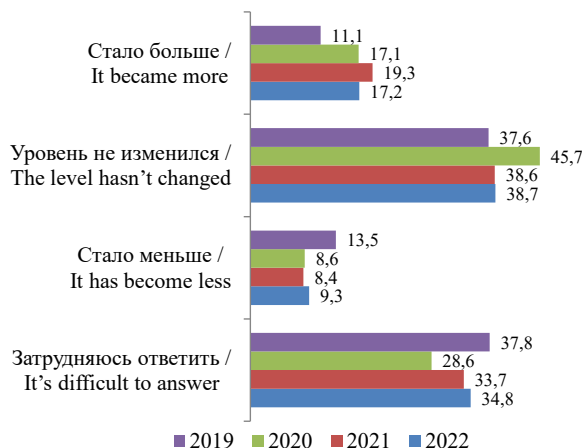
Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, власти делают для противодействия коррупции все возможное, делают много, делают мало или вообще ничего не делают?», 2019–2022 гг., %⁷

F i g. 1. Distribution of respondents' answers to the question "In your opinion, do the authorities do everything possible to counteract corruption, do a lot, do little, or do nothing at all?", 2019–2022, %

⁶ Сатаров Г. А. Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа.

⁷ Здесь и далее в статье рисунки и таблица составлены авторами.

По мнению 38,7 % респондентов уровень коррупции в их населенном пункте в последнее время остается неизменным (это на 0,1 % больше по сравнению с 2021 г.). 9,3% опрошенных считают, что коррупционных проявлений за последний год стало меньше (это на 0,9 % больше по сравнению с 2021 г.). При этом 17,2 % опрошенных отмечают рост уровня коррупции (это на 2,1 % меньше по сравнению с 2021 г.). Таким образом, наблюдается положительная динамика в оценке респондентами уровня коррупции в анализируемых регионах (рис. 2).

Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос

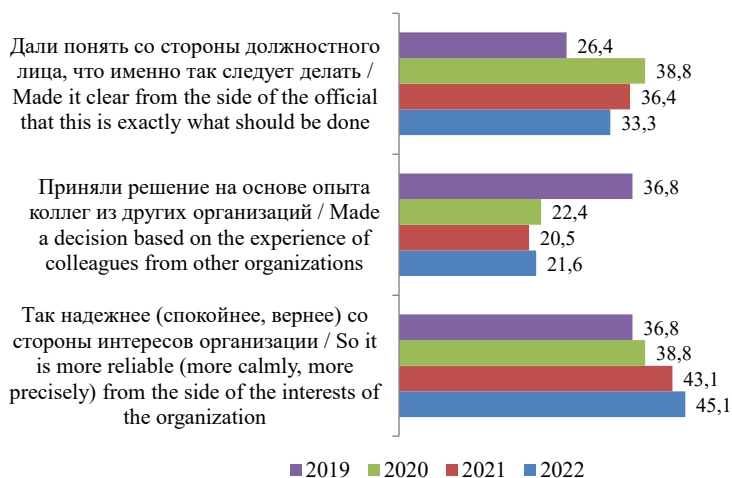
«Как Вам кажется, за год случаев коррупции в вашем городе (поселке, селе) стало больше, меньше или уровень коррупции не изменился?», 2019–2022 гг., %

F i g. 2. Distribution of respondents' answers to the question

“In your opinion, have there been more or less cases of corruption in your city (town, village) over the year, or has the level of corruption not changed?”, 2019–2022, %

Основными причинами, по которым респонденты были бы склонны к оказанию влияния на должностное лицо посредством осуществления неформальных прямых и (или) скрытых платежей, являются надежность со стороны интересов организации (45,1 %) и намеки на взятку от должностного лица (33,3 %), далее следует решение на основе опыта коллег из других организаций (21,6 %). Эти данные позволяют сделать вывод о взаимосвязи коррупции и социального доверия (рис. 3).

Данные рисунка 3 показывают, что примерно половина опрошенных респондентов-предпринимателей (43,1 %) считают коррупцию более верной, надежной, спокойной формой взаимоотношения с властными структурами. Социологическое исследование по восприятию коррупции в регионах России проводилось в соответствии с «Методикой проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации», которая предполагает изучение мнения относительно бизнес-коррупции со стороны исключительно предпринимательского сообщества. В соответствии с полученными выводами авторский коллектив посчитал необходимым провести качественные социологические исследования с целью более глубокого изучения отношения предпринимательского сообщества исследуемых регионов к проблемам коррупции в качестве примера, доказывающего, что социальное доверие является базой формирования коррупционного поведения у некоторых индивидов.

Р и с. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Причина, по которой организация (предприятие, фирма, бизнес) из Вашей отрасли, по размерам схожая с Вашей, была бы склонна к оказанию влияния на должностное лицо посредством осуществления неформальных прямых и (или) скрытых платежей?», 2019–2022 гг., %

F i g. 3. Distribution of respondents' answers to the question "The reason why an organization (enterprise, firm, business) from your industry, similar in size to yours, would be inclined to influence an official through informal direct and (or) hidden payments?", 2019–2022, %

Качественные социологические исследования проводились в форме нарративных глубинных интервью в дистанционном онлайн-режиме с представителями предпринимательского сообщества исследуемых регионов. В интервью на условиях строгой анонимности согласились принять участие 35 чел. При анализе нарративных глубинных интервью с респондентами в исследованных регионах, касающихся проблем коррупции и социального доверия, было выяснено следующее:

1. Все респонденты отметили, что коррупционные схемы позволяют быстрее и эффективнее решать возникшие проблемы.

2. Подавляющее большинство заявили, что коррупционное взаимодействие между участниками коррупционных схем возможно при высоком уровне доверия друг к другу (88,5 %).

3. Все респонденты сделали вывод о том, что при малейшем сомнении в доверительных отношениях между участниками коррупционных схем отказались бы от дачи взятки.

4. Подавляющее большинство участников качественных исследований заявили, что низовая коррупция в регионе их полностью устраивает, что они хотели бы стать постоянными участниками коррупционных схем при условии высокого уровня доверия к партнерам по коррупционным взаимодействиям (82,8 %).

5. Больше половины респондентов отметили, что неформальные криминальные коррупционные схемы являются более гибкими и эффективными по сравнению с громоздкими официальными бюрократическими процедурами (54,2 %).

6. Также подавляющее большинство заявили, что считают невежливым не дать взятку врачам, медицинским работникам, которую они считают специфической формой благодарности (74,2 %).

7. Большинство участников нарративного глубинного интервью предполагают, что сфера медицинских услуг является наиболее коррупциогенной, так как в ней наиболее необходимо социальное доверие между медицинским работником и пациентом (54,2 %).

Таким образом, при недостатке институционального социального доверия население и представители предпринимательского сообщества предпочитают коррупционные схемы потому, что они видятся им наиболее простыми, быстрыми и эффективными. Кажущаяся простота и скорость коррупционных схем может формироваться только на базе высокого уровня доверия участников коррупционных схем.

В таблице представлены результаты анализа ответов на вопросы о причинах ухода респондентов в теневую сектор. Только 9,6 % респондентов исследуемых регионов назвали в качестве причин недоверие власти. Подавляющее большинство отмечали также стремление к получению более высоких доходов, более удобный график работы. Таким образом, по мнению россиян, теневая занятость более результативна. Эффективность и высокая доходность теневой занятости также формируется на основе высокого уровня доверия между участниками теневого рынка. В данном случае общий высокий уровень сильных (родственных) социальных связей теневой экономики становится парадоксальной формой выражения социального доверия между членами теневых трудовых «мы-групп».

Теневая экономика изначально формируется на низовых горизонтальных социальных уровнях. Его основой является высокий естественный или вынужденный уровень социального доверия, без которого невозможно объединение участников в теневые, неформальные группы. Желание независимости может, в свою очередь, постулировать нежелание иметь дело с официальными государственными структурами, и может стать маркером социального институционального недоверия и маркером парадоксального неформального доверия в теневых «мы-группах». Патернализм горизонтальных теневых экономических связей не распространяется на крупные социальные сообщества (государство), а только на близких, родственников, друзей, которым респонденты безусловно доверяют.

87,6 % опрошенных отметили в качестве необходимого и обязательного условия создания теневых форм экономической деятельности полное и абсолютное доверие между участниками теневого рынка труда.

Согласно данным вторичных социологических исследований, россияне достаточно лояльны к теневым доходам (72,9 %). В основе популярности теневых доходов лежат правовой нигилизм россиян и ориентация на прагматические ценности, низкий горизонт жизненного планирования; многие респонденты полагают, что не доживут до пенсии (67,8 %), и эта же часть указывает на небольшой размер пенсионного обеспечения и на невозможность прожить на эти средства⁸.

⁸ Парсонс Т. Т. Система современных обществ.

Таблица. Распределение ответов респондентов на вопрос «Почему Вы заняты в этой сфере деятельности?», %
 Table. Distribution of respondents' answers to the question "Why are you employed in this field of activity?", %

Вариант ответа / Answer option	Регион / Region						
	Московская область / Moscow region	Ленинградская область / Leningrad Region	Калининградская область / Kaliningrad Region	Ульяновская область / Ulyanovsk Region	Оренбургская область / Orenburg Region	Пензенская область / Penza Region	Самарская область / Samara Region
Стремление к получению высоких доходов, обогащению / The desire for high income, enrichment	45,4	47,6	58,3	20,0	49,9	53,3	30,0
Интересная, творческая работа / Interesting and creative work	27,3	4,8	-	20,0	-	20,0	20,0
Удобный график / Convenient schedule	27,3	42,8	16,7	20,0	16,7	17,1	30,0
Желание добиться независимости, быть самому себе хозяином / The desire to achieve independence, to be your own master	-	4,8	8,3	40,0	16,7	-	20,0
Потеря или неприемлемость условий прежней работы в секторе, в официальной сфере занятости / Loss or unacceptability of the conditions of the previous work in the public sector, in the formal field of employment	-	-	16,7	-	16,7	-	-
Недоверие государству, государственной системе социального, пенсионного обеспечения / Distrust of the state, the state system of social and pension provision	-	-	-	-	-	9,6	-
Всего / Total	100	100	100	100	100	100	100

На рост популярности теневой трудовой занятости влияет система ценностей российских регионов. В структуру ценностей населения входят ориентиры следующих типов:

1. Семейные ценности (брак, семья, дети, уютный дом).
 2. Материальные ценности (достаток, богатство, обустроенный быт).
 3. Ценности личностного и духовного развития (познание, просветление, религия, творчество, путешествия).
 4. Ценности личностной гармонии (здоровье, счастье, душевное спокойствие).
 5. Социальные и гражданские ценности (свобода, независимость, социальная ответственность, демократия, благополучие родной страны).
 6. Альтруистические ценности (помощь людям, героизм).
 7. Ценности социального статуса (власть, влияние, известность, карьера)⁹.
- Первые десять мест в рейтинге получили следующие ценности (в скобках отмечается количество ответов респондентами):

1. Любовь (615).
2. Счастливая семья (568).
3. Творчество, саморазвитие, профессиональное совершенство (368).
4. Дружба (361).
5. Свобода и независимость (252).
6. Успешная карьера, высокий профессиональный статус (244).
7. Путешествия, новые впечатления (232).
8. Здоровье, физическое совершенство (215).
9. Богатство (неограниченные финансовые возможности) (197).
10. Чистая совесть (142).

Первые три ценности – любовь, семья и профессиональное совершенство – являются абсолютно предпочтительными для совокупности, на эти позиции пришлось 42,3 % всех ответов; любовь является важнейшей ценностью для 49,2 % респондентов, счастливая семья – для 45,4 %, творчество, саморазвитие и профессиональная самореализация – для 29,4 %.

Таким образом, семейные ценности, ценности любви, брака могут возникать и формироваться на основе безусловного доверия к партнерам. Это горизонтальное доверие укрепляет теневую занятость, так как она часто выступает в форме семейных эффективных социально-трудовых «мы-групп». В семье, в родственном окружении, которые базируются на сильных социальных связях, люди доверяют друг другу больше. Это еще раз косвенно подтверждает тот факт, что крепкие семейные связи усиливают социальные связи в общественном пространстве, в семейном окружении и семейных предприятиях люди больше доверяют друг другу. Это доверие неформально, неинституционализировано.

На этот факт обращал внимание американский исследователь неформальной экономики А. Портес. Согласно его точке зрения, неформальные экономические связи, кроме повышения доверия, увеличивают управленческую гибкость экономических структур. Чем ближе теневая экономика к модели подлинного рынка,

⁹ Парсонс Т. Т. Система современных обществ; Spina N. Out-Migration and Social Capital // Oxford Textbook of Migrant Psychiatry / ed. by D. Bhugra. Oxford University Press, 2021. Pp. 181–188. <https://doi.org/10.1093/med/9780198833741.003.0020>

тем она эффективнее, тем больше она зависит от социальных связей, которые напрямую связаны с уровнем доверия в социально-экономической системе [20].

Таким образом, данные теоретических и эмпирических социальных исследований доказывают, что наличие коррупционных схем, широкое распространение теневой трудовой занятости основано на социальном доверии между членами групп и представляет собой новую форму социального институционального доверия.

Обсуждение и заключение. Социальное доверие избирательно, иерархично, эмоционально, имеет свою определенную степень выраженности в общественных структурах. Доверие участников коррупционных схем и участников теневого рынка труда формируется благодаря социальному динамическому равновесию, когда в социальной системе существует определенный уровень доверия, но он в результате воздействия специфических социокультурных факторов перетекает из институционального доверия органам власти в доверие между членами неформальных и часто криминальных групп. Так, по мнению Т. Парсонса, социальная система находится в состоянии «социального равновесия», когда институализированы ценности, и поведение индивидов построено сообразно формальным общественным ценностям. Однако ни одна социальная система не может находиться в состоянии идеального равновесия, поэтому процесс социального развития представляется как «подвижное равновесие»¹⁰. По нашему мнению, динамическое общественное равновесие – это специфическое состояние общественной системы, в которой она развивается. При этом в каждый момент времени наблюдается равновесие, когда внешние и внутренние воздействия компенсируются и в системе сохраняются структурные элементы и функциональные связи, и происходит их воспроизводство. Так недостаток институционального доверия общества к власти перетекает в доверие к близким, родным, потенциально полезным людям, которое основывается на сильных социальных связях, которые усиливают неформальное доверие и укрепляют криминальные связи. Атомизм членов общества, разобщенность людей в западном культурном ареоле предполагает низкий уровень горизонтального социального доверия к ближайшему социальному окружению, которое выливается в социальные практики слежки и доноительства за близкими, родственниками и соседями. Низкий уровень горизонтального доверия в странах Запада компенсируется высоким уровнем институционального доверия к государству, к органам государственной и муниципальной власти.

С психологической точки зрения, все виды доверия в обществе, от межличностного до институционального, основаны на вере. Общественная вера напрямую коррелирует с религиозной верой, религиозной идентификацией. Религиозная идентификация представляет собой сложное, многофакторное явление. Различают несколько ее видов: нормативно-конфессиональная, основанная на рациональном знании базовых конфессиональных догматов, на знании конфессиональных основ вероучения, на четком разграничении догматов своей конфессии и других; фольклоризированная, представляющая собой причудливую смесь вероучительных догматов различных конфессий авраамических религий и народного язычества; маргинальная религиозная идентичность, которая формируется смешением

¹⁰ Парсонс Т. Т. Система современных обществ.

конфессиональной религиозной идентичности с политическими, национальными, социальными идентичностями [26].

Согласно нашему исследованию, проведенному в 2019–2020 гг., примерно 75–77 % православных христиан, мусульман, иудеев в Российской Федерации слабо знают основы своего вероучения. Их религиозная идентичность – фольклорная, основанная на народных традициях, суевериях, разделяемых их религиозными «мы-группами». Эта форма идентичности наиболее иррациональна и некритична. Иррационализм и отсутствие критики основывается на высоком уровне горизонтального социального доверия, которые в состоянии укреплять коррупционные и теневые экономические неформальные связи, трансформируя их в новые специфические формы криминального и полукриминального социального доверия. Поэтому фольклоризированная религиозная идентичность негативным образом влияет на институциональное доверие и позволяет ему перетекать из его институциональной формы в межличностное доверие «мы-групп», подкрепленное сильными социальными связями, которые выражаются в коррупционном доверии и доверии участников неформальной экономики¹¹.

Кроме того, тот факт, что коррупция снимает разрыв между обещаниями и ожиданиями и в переходных странах связана с возникновением «зазора» между новыми модернизированными рыночными и демократическими институтами и старыми неформальными практиками социального взаимодействия, делает ее одновременно причиной институционального недоверия и межличностного доверия в криминальных и полукриминальных «мы-группах», которые укрепляют криминальные и неформальные, теневые экономические связи, усложняет институциональную борьбу с коррупцией, так как она благодаря низовому неформальному доверию поддерживается подавляющим большинством членов общества. Кроме того, низовая коррупция в России вполне устраивает обычных членов российского общества. Это доказывает еще раз точку зрения А. Н. Покиды, который утверждает, что «результаты опроса фиксируют противоречивость правового сознания российского населения». С одной стороны, граждане относятся к закону как к важной ценности, считая, что его соблюдать нужно, и подчеркивая его инструментальную сущность: они видят в законе главным образом средство защиты, которое может понадобиться в сложной ситуации и благодаря которому проблема может быть решена в интересах самого гражданина. С другой стороны, граждане вполне допускают нарушение закона, оправдывая это чаще всего тем, что сама власть не соблюдает законы [10, с. 98]. Эти факты, особенно в регионах России, укрепляют горизонтальные сильные социальные связи (связи родства, свойства, дружбы). Это и превращает коррупцию в специфическую форму неформального социального и политического доверия в российских регионах.

Согласно точке зрения П. Штомпки, «мы» – это те, кого мы наделяем доверием, в отношении которых поступаем лояльно и об интересах которых беспокоимся в соответствии с духом солидарности¹².

¹¹ Юрасов И. А., Павлова О. А. Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности : моногр. М. : ИНФРА-М, 2020. 259 с.

¹² Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект-пресс, 1996. 414 с.

Идеи повседневного мышления А. Шюца позволяют выделить базовые предпосылки основания доверия в рамках концепта «мы» и в «мы-группах»:

1) социальное доверие возникает во взаимоотношениях в рамках «мы-группы», сформированной на основе общей системы ценностей и отношений и на похожем понимании образа и ритма жизни, в котором «мои» ожидания в той или иной степени совпадают с ожиданиями «других»;

2) членов «мы-группы» связывают схожие этнические обычаи, национальные и религиозные идентичности, общие моральные обязательства, отличные от тех установок, которые исповедуют представители «они-группы»;

3) поведение членов «мы-группы» осуществляется по типичному способу деятельности, типичным мотивам и установкам типа личности, определяемым исходя из принятой системы идентичностей, похожестей, образа жизни этого сообщества;

4) в процессе формирования и деятельности «мы-группы» аккумулируются и используются базовые знания смыслов и наборов мотивов, управляющих действиями «других», накапливается информация о функционировании «других-групп», позволяющие четко дистанцироваться друг от друга;

5) взаимоотношения в рамках «мы-группы» подчиняются концепции «приемлемого риска», согласно которой признается право ее членов на непредумышленную ошибку, что подразумевает развитие системы взаимного общественного доверия, совершенствования коммуникаций для осуществления обратной связи между гражданами и властью с целью своевременного обнаружения и исправления возможных просчетов¹³.

Функционирование и развитие «мы-групп» и отношений в них невозможны в национальном масштабе, так как не существует общей системы ценностей. В каждой конкретной социальной группе формируется своя специфика ценностных ориентаций. Таким образом, развитие этих групп допустимо в каких-либо определенных общественных сегментах. Такая ценностная особенность определяет основные характеристики «мы-групп»:

1) общий образ будущего в интересах и ценностях группы;

2) похожие ценности и ожидания членов группы;

3) общая этика и мораль;

4) общепринятые формы и стандарты поведения;

5) межличностные отношения в группе на основе доверия и доброжелательности;

6) общая концепция «приемлемого риска», т. е. право на определенные ошибки;

7) накопление знаний приводит к изменениям в составе группы¹⁴ [1; 21].

Таким образом, коррупционные и неформальные группы, занятые в теневой экономике, объединены общей системой криминальных и полукриминальных ценностей, имеют общие моральные установки, общие стандарты поведения, приемлемую общую концепцию допустимого криминального и полукриминального

¹³ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

¹⁴ Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу : моногр. М. : Наука, 2018. 350 с.

риска, свою собственную систему управления знаниями, на основании которых складывается атмосфера доброжелательности и формируется специфическое неформальное доверие.

Коррупция в неформальных «мы-группах» становится посредником между обществом и государством. Доверие в коррупционных «мы-группах» приводит к росту ситуативного доверия. Идеи повседневного мышления А. Шюца в «мы-группах» позволяют выделить предпосылки возникновения доверия в рамках конструкта «мы». Коррупция создает и укрепляет региональные неформальные «мы-группы», членов коррупционных «мы-групп» связывают схожие этические обычаи и взаимные моральные обязательства, отличные от тех установок, которые исповедуют представители «они-группы». В этой группе фактор эффективности преобладает над фактором этичности¹⁵ [19].

Коррупция и неформальная занятость, развивающиеся в закрытых и атомизированных российских «мы-группах», формируют новую форму социального доверия, главной социологической спецификой которой является снижение или упадок доверия институционального при росте неформального криминального или полукриминального доверия в «мы-группах». Эта форма социального доверия отличается от институционального тем, что горизонтальное институциональное доверие, знаменующее собой доверие между равноправными индивидами, растет, а вертикальное – падает.

В российском обществе складывается парадоксальная социальная ситуация, когда чем больше растет вертикальное доверие, тем ниже становится горизонтальное, и наоборот. Высокий уровень горизонтального неформального, и часто криминального, доверия и сильные социальные связи укрепляют коррупцию и неформальную занятость и сильно затрудняют борьбу с этими негативными социальными явлениями в российском обществе.

Новое доверие в неформальных «мы-группах» формируется в конкретных, часто криминальных, ситуациях. Эта ситуативность социального доверия укрепляет его, снижая тем самым уровень институционального доверия в обществе.

Ситуативное доверие в конкретной ситуации и базовое (к институтам) аккумулируются в социумах с низким уровнем социального равенства. В обществах с глубоким социальным неравенством люди просто вынуждены больше доверять своим родным и близким, чем власти, в этих обществах больше распространено межличностное доверие в «мы-группах», которое одновременно усиливает неформальную занятость и коррупция.

Коррупционер в таких обществах с неформальным криминальным доверием имеет, по мнению «мы-групп», все свойства, вызывающие доверие: способ и манеру коммуникации, выражающиеся в уверенном, быстром темпе речи; транслируемую поверхностную ценностную систему, в которой они защищают то, что идет в разрез с их интересами; привлекательность внешнего вида; компетентность; авторитетность.

Специфическое доверие в криминальных группах основывается на принятии того, что взятка более эффективна в социальной практике. В таких «мы-группах»

¹⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений.

формируется представление о том, что ресурсы страны и государства ограничены, и для того чтобы получить доступ к этим ресурсам, необходима оплата за то, чтобы именно на тебя обратили внимание и дали возможность государству потратить ограниченные ресурсы на конкретного члена коррупционной группы. В российском обществе существует высокая неформальная политическая инклюзия, выражающаяся в вовлеченности членов общества в управление, а коррупция, по мнению членов коррупционных «мы-групп», дает ощущение политической инклюзии, возможность влиять на принимаемые решения.

Следующим парадоксальным фактом является то, что вытекающее из межличностного доверия криминальных и полукриминальных «мы-групп» социальное доверие предполагает низкое институциональное доверие общества к органам власти, но приводит к высокой политической устойчивости российского общества, в котором благодаря многим факторам, в том числе неформальному доверию в «мы-группах», дополнительным теневым доходам в структурах неформальной экономики, все более или менее устраивает большинство граждан России [1; 19].

Таким образом, коррупция и неформальная, теневая экономика становятся парадоксальной формой проявления ситуативного горизонтального доверия, основанного на сильных родственных, свойских, дружеских связях. На базе этих связей формируются криминальные и полукриминальные «мы-группы», существование и функционирование которых невозможны без сильного ситуативного доверия. Институциональное социальное доверие является постоянной величиной в любых социумах. В состоянии динамического равновесия общества институциональное доверие формируется как доверие к органам власти и как доверие в небольших межличностных «мы-группах» к членам этих групп. В российском обществе при недостатке институционального доверия к органам власти социальное доверие перетекает в криминальные и полукриминальные сферы, облегчая тем самым развитие коррупционных и теневых экономических практик и укрепляя сильные горизонтальные связи. Эта новая форма доверия формируется на атомизме и ценностной ориентации российского регионального социума. Эти социокультурные особенности облегчают коммуникацию в группах и становятся базой неформального доверия, которое не слишком интенсивно распространяется на политические государственные институты. Коррупция и неформальная экономика, основываясь на специфическом горизонтальном неформальном доверии, тормозят модернизацию страны, с одной стороны, а с другой – повышают управленческую гибкость. Отрицательным результатом этих социальных процессов становятся негативная социальная трансформация и увеличение прекариата в социальной структуре.

Настоящее исследование открывает дальнейшие перспективы научного анализа социальных парадоксов, изучения принципов формирования российских «кентавр-идей» в регионах нашей страны. Полученные результаты могут найти практическое применение в области правоохранительной деятельности, криминалистики, а также в плане теоретического приращения социологической, социально-психологической теории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 162–185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917>
2. Киселев В. О. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6 (124). С. 51–64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.05>
3. Uslander E. Trust as an Alternative to Risk // *Public Choice*. 2013. Vol. 157. Pp. 629–639. <https://doi.org/10.1007/s11127-013-0082-x>
4. Zmerli S., Castillo J. C. Income Inequality, Distributive Fairness and Political Trust in Latin America // *Social Science Research*. 2015. Vol. 52. Pp. 179–192. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.02.003>
5. Mishler W., Rose R. What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-communist Societies // *Comparative Political Studies*. 2001. Vol. 34, issue 1. Pp. 30–62. <https://doi.org/10.1177/0010414001034001002>
6. Newton K., Zmerli S. Three Forms of Trust and Their Association // *European Political Science Review*. 2011. Vol. 3, issue 2. Pp. 169–200. <https://doi.org/10.1017/S1755773910000330>
7. Wang C.-H. Government Performance, Corruption, and Political Trust in East Asia // *Social Science Quarterly*. 2016. Vol. 97, issue 2. Pp. 211–231. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12223>
8. Wu C., Wilkes R. Local-National Political Trust Patterns: Why China is an Exception // *International Political Science Review*. 2017. Vol. 39, issue 4. Pp. 1–19. <https://doi.org/10.1177/0192512116677587>
9. Shlapentokh V., Joshua W. J. Trusting the State, Trusting Each Other? The Effect of Institutional Trust on Social Trust // *Political Behavior*. 2016. Vol. 38. Pp. 179–202. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9322-8>
10. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // *Социологические исследования*. 2020. № 1. С. 92–99. <https://doi.org/10.31857/S013216250008327-2>
11. Миронова А. А., Татарко А. Н. Психологические причины коррупции: роль тревоги // *Экономическая социология*. 2022. Т. 22, № 1. С. 11–34. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2021/01/29/1404095647/ecsoc_t22_n1.pdf#page=11 (дата обращения: 02.09.2023).
12. Формирование социальной идентичности молодежи региона: потенциал эстетической информации / В. П. Воробьев [и др.] // *Регионоведение*. 2022. Т. 30, № 2. С. 470–491. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491>
13. Воробьев В. П., Ретинская В. Н. Образно-символические аспекты формирования государственной идентичности молодежи в эпоху интернета // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2022. № 1. С. 59–70. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-5>
14. Левичева В. Ф. Институциональные и неформальные практики лоббизма: проблема разделения и интерпретации // *Социологические исследования*. 2021. № 10. С. 50–60. <https://doi.org/10.31857/S013216250017165-4>
15. Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации / И. Л. Недяк [и др.] // *Социологические исследования*. 2020. № 1. С. 42–53. <https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8>
16. Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. Доверие мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах России // *Siberian Socium*. 2020. Т. 3, № 2. С. 18–34. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34>
17. Как и почему граждане оценивают свою защищенность от контролируемых государством рисков / Е. И. Добролюбова [и др.] // *Социологические исследования*. 2020. № 7. С. 70–81. <https://doi.org/10.31857/S013216250009316-0>
18. Колганов С. В., Глухов П. С. Человеческий потенциал сквозь призму философии русского космизма // *Социология*. 2022. № 1. С. 277–280. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/6c5/8270b6p mix7dpab1s12f49cyukszc87d/Социология №1 2022.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).
19. Тощенко Ж. Т. Эволюция идей социальной структуры российского общества // *Социологические исследования*. 2022. № 10. С. 62–73. <https://doi.org/10.31857/S013216250021404-7>
20. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // *Экономическая социология*. 2003. Т. 4, № 5. С. 34–53. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5/26593865.html> (дата обращения: 02.09.2023).
21. Юрасов И. А., Танина М. А. Социальное самочувствие жителей провинциального города // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2018.

Т. 18, № 3. С. 260–264. URL: <https://soziopolit.sgu.ru/ru/articles/socialnoe-samochuvstvie-zhiteley-provincialnogo-goroda> (дата обращения: 02.09.2023).

22. Агишев Р. Р., Баринаова О. Н. Коррупция и третий возраст в региональном измерении // Власть. 2022. Т. 30, № 3. С. 208–216. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9069>

23. Riabov O. Gendering the American Enemy in Early Cold War Soviet Films (1946–1953) // Journal of Cold War Studies. 2017. Vol. 19, issue 1. Pp. 193–219. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00722

24. Dijk J. Governing Digital Societies: Private Platforms, Public Values // Computer Law & Security Review. 2019. Vol. 36. Pp. 15–27. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105377>

25. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-v-sovremennoy-rossii-psihologicheskii-aspekt> (дата обращения: 02.09.2023).

26. Кравченко С. А., Ракова К. В., Лапин Н. И. Сложность становления новой России. Антропологический подход // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 164–167. <https://doi.org/10.31857/S013216250018037-3>

Поступила в редакцию 27.03.2023; поступила после рецензирования 16.08.2023; принята к публикации 25.08.2023.

Об авторах:

Юрасов Игорь Алексеевич, доктор социологических наук, директор Центра мониторинга социальных процессов Института регионального развития Пензенской области (440046, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Попова, д. 40); профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (440052, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Калинина, д. 336); профессор кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>, jurasow@yandex.ru

Бондаренко Владимир Викторович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (440052, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Калинина, д. 336), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>, Scopus ID: 57211802151, bond40@bk.ru

Полутин Сергей Викторович, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ регионологии, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, Researcher ID: A-9592-2017, Scopus ID: 57215972235, polutin.sergei@yandex.ru

Зябликова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (440052, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Калинина, д. 336), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>, has18068881@rambler.ru

Юрасова Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры английского языка Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2186-7051>, ol.iurasova@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

И. А. Юрасов – разработка проблемы и общей методологии исследования; интерпретация эмпирического материала; теоретические выводы.

В. В. Бондаренко – организация и проведение эмпирического исследования в г. Пензе, Мурманске, Москве, Калуге, Курске; первичный анализ эмпирической информации; критический анализ и доработка текста.

С. В. Полутин – литературный обзор по проблеме институционального социального доверия; критический анализ и доработка текста.

О. А. Зябликова – разработка анкеты и гайда интервью; количественный анализ итогов анкетирования.

О. Н. Юрасова – литературный обзор по общим проблемам социального доверия; организация и проведение эмпирического исследования в г. Пензе.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ilyicheva L.E., Kondrashov A.O., Lapin A.V. Trust as a Bridge over the Uncertainty Gap between the Government and Society. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2021;(2):162–185. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917>
2. Kiselev V.O. Trust in Russian Political Institutions: Sociological Monitoring Case Study. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2020;(6):51–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.05>
3. Uslaner E. Trust as an Alternative to Risk. *Public Choice*. 2013;157:629–639. <https://doi.org/10.1007/s11127-013-0082-x>
4. Zmerli S., Castillo J.C. Income Inequality, Distributive Fairness and Political Trust in Latin America. *Social Science Research*. 2015;52:179–192. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.02.003>
5. Mishler W., Rose R. What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-communist Societies. *Comparative Political Studies*. 2001;34(1):30–62. <https://doi.org/10.1177/0010414001034001002>
6. Newton K., Zmerli S. Three Forms of Trust and Their Association. *European Political Science Review*. 2011;3(2):169–200. <https://doi.org/10.1017/S1755773910000330>
7. Wang C.-H. Government Performance, Corruption, and Political Trust in East Asia. *Social Science Quarterly*. 2016;97(2):211–231. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12223>
8. Wu C., Wilkes R. Local-National Political Trust Patterns: Why China is an Exception. *International Political Science Review*. 2017;39(4):1–19. <https://doi.org/10.1177/0192512116677587>
9. Shlapentokh V., Joshua W.J. Trusting the State, Trusting Each Other? The Effect of Institutional Trust on Social Trust. *Political Behavior*. 2016;38:179–202. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9322-8>
10. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Legal Values of Modern Russians: Priorities and Contradictions. *Sociological Studies*. 2020;(1):92–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250008327-2>
11. Mironova A.A., Tatarko A.N. Psychological Causes of Corruption: The Role of Worries. *Journal of Economic Sociology*. 2022;22(1):11–34. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2021/01/29/1404095647/ecsoc_t22_n1.pdf#page=11 (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Vorobyov V.P., Ivchenkov S.G., Eremina E.V., Retinskaya V.N., Murzina I.A. Formation of the Social Identity of the Youth of the Region: The Potential of Aesthetic Information. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):470–491. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491>
13. Vorobyov V.P., Retinskaya V.N. Figurative and Symbolic Aspects of the Youth Identity's Formation in the Era of the Internet. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2022;(1):59–70. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-5>
14. Leviceva V.F. Institutional and Informal Lobbying Practices: The Problem of Separation and Interpretation. *Sociological Studies*. 2021;(10):50–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250017165-4>
15. Nedyak I.L., Pavlova T.V., Patrushev S.V., Filippova L.E. Political Field and Zone of Power: Varieties of the Ideal Type and Attempt at Empirical Verification. *Sociological Studies*. 2020;(1):42–53. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8>
16. Maksimova S.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E. Migrants' Trust in the Host Community in the Context of the Analysis of Social Security in the Border Regions of Russia. *Siberian Socium*. 2020;3(2):18–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34>
17. Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. How Citizens Evaluate Safety from State-Controlled Risks and Why. *Sociological Studies*. 2020;(7):70–81. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009316-0>
18. Kolganov S.V., Glukhov P.S. Human Potential Through the Prism of the Philosophy of Russian Cosmism. *Sociology*. 2022;(1):277–280. Available at: <http://soziologi.ru/upload/iblock/6c5/827o6spmix7dpab1s12f49cyokszc87d/Социология №1 2022.pdf> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Toshchenko Zh.T. Evolution of Ideas of the Social Structure of Russian Society. *Sociological Studies*. 2022;(10):62–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250021404-7>
20. Portes A. The Informal Economy and Its Paradoxes. *Economic Sociology*. 2003;4(5):34–53. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5/26593865.html> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Yurasov I.A., Tanina M. A. Social Wellbeing of Residents of the Provincial Cities Case. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2018;18(3):260–264. Available at: <https://soziopolit.sgu.ru/ru/articles/socialnoe-samochuvstvie-zhiteley-provincialnogo-goroda> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Agishev R.R., Barinova O.N. Corruption and the Third Age in the Regional Dimension. *The Authority*. 2022;30(3):208–216. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9069>
23. Riabov O. Gendering the American Enemy in Early Cold War Soviet Films (1946–1953). *Journal of Cold War Studies*. 2017;19(1):193–219. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00722
24. Dijck J. Governing Digital Societies: Private Platforms, Public Values. *Computer Law & Security Review*. 2019;36:15–27. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105377>
25. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Corruption in Contemporary Russia: The Psychological Aspect. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2012;(2):56–65. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-v-sovremennoy-rossii-psihologicheskii-aspekt> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
26. Kravchenko S.A., Rakova K.V. Lapin N.I. Complexity of the Formation of a New Russia. Anthroposociocultural Approach. *Sociological Studies*. 2022;(2):164–167. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250018037-3>

Submitted 27.03.2023; revised 16.08.2023; accepted 25.08.2023.

About the authors:

Igor A. Yurasov, Dr. Sci. (Sociol.), Director of the Center for Monitoring Social Processes of the Institute for Regional Development of the Penza Region (40 Popova St., Penza 440046, Russian Federation); Professor of the Department of Management, Informatics and General Humanities, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33b Kalinina St., Penza 440052, Russian Federation); Professor of the Department of Public Administration and Sociology of the Region, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>, jurassow@yandex.ru

Vladimir V. Bondarenko, Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Management, Informatics and General Humanities, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33b Kalinina St., Penza 440052, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>, Scopus ID: 57211802151, bond40@bk.ru

Sergey V. Polutin, Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Director of the Research Institute of Regional Studies, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, Scopus ID: 57215972235, Researcher ID: A-9592-2017, polutin.sergei@yandex.ru

Olga A. Zyablikova, Can. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Management, Informatics and General Humanities, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33b Kalinina St., Penza 440052, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>, has18068881@rambler.ru

Olga N. Yurasova, Senior Lecturer of the Department of English, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2186-7051>, ol.iurasova@yandex.ru

Contribution of the authors:

I. A. Yurasov – development of the problem and the general methodology of the study; interpretation of empirical material; theoretical conclusions.

V. V. Bondarenko – organization and conduct of empirical research in Penza, Murmansk, Moscow, Kaluga, Kursk; primary analysis of empirical information; critical analysis and revision of the text.

S. V. Polutin – literature review on the problem of institutional social trust; critical analysis and revision of the text.

O. A. Zyablikova – development of a questionnaire and an interview guide; quantitative analysis of the survey results.

O. N. Yurasova – literary review on general problems of social trust; organization and conduct of empirical research in Penza.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.